

Знак: понятие, философская сущность, содержательные аспекты

И. В. Старикова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

vasilenko.miet@gmail.com

Понятие знака рассмотрено с точки зрения философии. Постулировано: в ходе диалектических противопоставлений знак проявляет ряд основных онтологических признаков. Показано, что условием возникновения знака являются сознание, интеллект, память как неотъемлемая функция субъекта, а также «другой», ради которого знак должен быть выхвачен из хаоса и определен. Философская логика вычленяет в знаке референт, денотат, сигнификат, коннотат и пейоратив. Выделены основные характеристики знака: знак расположен вне времени; сочетает в себе все признаки одного и многого, целого и части; фиксирует конечность мира, является материальным; идея, которую знак условно содержит в себе, — относительная, поскольку сама структура знака не позволяет ему соответствовать абсолюту.

Ключевые слова: знак; онтология; философская логика; семиотика; картина мира.

Symbol: Concept and Philosophical Aspects

I. V. Starikova

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

vasilenko.miet@gmail.com

The author considers the concept of symbol from the standpoint of philosophy. The author did postulate that in course of dialectic contrapositions the symbol reveals a range of basic ontological attributes. It is shown that symbol appears upon the following conditions: consciousness, intellect, memory as the subject's inherent function, and also the "other" for whom the symbol should be picked out from chaos and defined. Philosophical logic isolates in the symbol the referent, the denotation, the signification, the connotation, and the pejorative. The author has emphasized key characteristics of the symbol: it is located outside time; combines all signs of one and many, whole and part; it fixes the world's finiteness and is material; conventionally contains an idea that is relative because the very structure of symbol prevents it from corresponding to absolute.

Keywords: symbol; ontology; philosophical logic; semiotics; world picture.

Мифологическая картина мира — это ряд известных объектов, которые находятся друг с другом в определенной или неопределенной (до тех пор, пока нет в том нужды) логической и иерархической связи. Не имеет значения, будет ли

эта связь жестко упорядочена или сумбурна и внезапна, поскольку каждый объект, наполняющий такую картину мира, что-то говорит тому, кто решит анализировать ее, о субъекте, ее создавшем. Представим себе эксперимент, в рамках которого человеку из ряда картинок (пусть этот ряд будет бесконечно длинным) предложат выбрать несколько картинок, которые отвечают его представлению о детстве. Человек проигнорирует картинки с цветением багульника, китайские иероглифы, амурских тигров, а выберет эскимо, скакалку и карусель. Почему? Потому что первый ряд слов не маркирует для него детство, а это все равно, что не существует как знак. Он выбирает свои знаки, которые рассказывают ему о его же детстве, а наблюдателю — об этом человеке и о той среде, где он вырос.

Таким образом, *знак — это нечто, наделенное смыслом для передающего субъекта и реципиента.*

У Умберто Эко в «Пражском кладбище» главный герой формулирует следующую мысль: человек охотно принимает и усваивает те идеи, которые ему знакомы. Он готов их воспринимать как совершенно новые, в то время как в предыдущем жизненном опыте он постоянно на них «наткнулся». А то, что человеку не знакомо совершенно, его сознание «выбрасывает» как хаотичную последовательность, лишенную не просто смысла, а самого свойства нести смысл.

И здесь исследователь неотвратимо обнаружит проблему знака: воспринимает ли его реципиент как знак или он не предполагает в нем смысла, знак для него «нем», а следовательно, не знак. Иными словами, пока субъект не предполагает в объекте смысла, саму идею знака, объект для него не является знаком. Так, охотник определенным образом заламывает ветви у деревьев, чтобы зафиксировать в этом послание себе или

другим охотникам. Случайный прохожий, даже если увидит обломанные ветки, не предположит в них никакого смысла, кроме того, что здесь кто-то прошел и ветки сломались. И напротив, может быть нечто, что смысла само по себе не содержит, но это будет являться знаком, наполненным смыслом, для субъекта. Например, гадание по полету птиц. Полет птицы, явление само по себе — это не-знак, он не имеет какой-либо зафиксированной формы, он объективно хаотичен, но при этом наделен определенным смыслом тем субъектом, который ищет в наблюдении за полетом птиц прогноз будущего.

Таким образом, определяем, что условиями семиотической весомости (значимости) знака являются:

1) сознание (по мнению Л. С. Выготского, «слово играет центральную роль в сознании в целом, а не в его отдельных функциях. <...> Оно есть самое прямое выражение исторической природы человеческого сознания» [1, с. 337], т. е. речь — это свидетельство пробуждения сознания);

2) интеллект (под интеллектуальной способностью Ю. М. Лотман понимает передачу имеющейся информации, создание новой информации и способность хранить и воспроизводить хранящиеся тексты [2, с. 6]);

3) память (Дж. Локк определяет условие создания знака так: сначала субъект встречает что-то, чему имени нет, но когда впоследствии он вновь наткнется на этот предмет, он начинает припоминать его как то, что уже встречал. Этот предмет детерминируется из разнородного хаоса мира и встраивается в систему мышления как нечто, чем можно оперировать отвлеченно от самого предмета. Локк считает, что память об объекте — это одно из условий становления знака);

4) «другой» (адресат коммуникации, отличный от субъекта, который воспринимает нечто как знак и использует его);

5) объект (нечто, что будет детерминировано из хаоса и поименовано, т. е., во-первых, будет обнаружено как объект, а во-вторых, названо, чтобы этим объектом можно было оперировать в речи безотносительно его физического тела и затем встроить в семиотическую систему).

Всякий объект, который зафиксирован знаком, состоит из пяти составляющих, описываемых философской логикой:

1) референт — объект внеязыковой действительности, подразумеваемый автором конкретного речевого отрезка; предмет коммуникации, та часть бытия, которая «маркируется» знаком (к примеру, старый деревянный стол, покрытый облезшей синей краской, шатко стоящий на четырех ногах, одна из которых при этом всегда оказывается оторванной от пола);

2) денотат — абстрактная единица значения, которая объединяет множество объектов действительности, обобщая их в понятие (т. е. стол вообще);

3) сигнификат — идеальное отображение знака, то, как его представляет себе говорящий (к примеру, в воображении возникает темный деревянный стол на четырех ногах);

4) коннотат — смысловой штамп, устойчивое выражение данного знака, то, как знак принято понимать в данной культурной среде (в культуре народа стол связан с едой и его следует воспринимать не только деревянным и на четырех ногах, но и покрытым скатертью, уставленным посудой с угощениями);

5) пейоратив — следует упомянуть его вскользь, так как он, в отличие от прямого толкования знака, выражает прямо противоположное значение, которое возможно выявить только из контекста (например: «О, прямо в лужу упал, по самые уши, *молодец!*»).

Уже на этом этапе очевидно, что искажение информации, смещенное понимание знака адресатом заложено в самой структуре знака, включающего референт, денотат, сигнификат и коннотат. И только автоматическое копирование знака сохраняет его в первоначальном смысле. Напротив, включение в восприятие знака субъекта, наделенного памятью, сознанием и интеллектом, искажает исходный знак. Лотман установил, что сами семиотические объекты обладают интеллектуальными функциями: он называл их «мыслящие структуры» [2, с. 7], поскольку они удовлетворяют требованиям интеллекта.

Стоит также отделить знак от символа и сигнала. Обратимся к Аристотелю. Его интересовало, какая связь существует между словами и теми предметами, что они означают. Он установил, что *знак* — это минимальная частица значения, например, буква. Знаками могут оперировать животные. Так, собака может подать знак, что ей больно или она хочет есть. Человек поймет ее скуление и беспокойное поведение. Но собака не может сказать, что ей сейчас хочется курицу, а не говядину. То же самое с болью: понятно, что у собаки что-то болит, но неясно, что именно, если это неочевидно. Животное может прекрасно воспринимать знаки, причем даже знаки вторичной семиотической системы — человеческого языка. Так, кошка Ксюша понимала, что ее зовут Ксюша. Когда произносили ее кличку, она открывала глаза и смотрела на зовущего с интересом. Обычно ничего привлекательного для нее не следовало, и она невозмутимо закрывала глаза. Но стоило произнести слово «мясо» в любой будничной обстановке, шепотом или совершенно без интонации, Ксюша подсакивала и неслась с изяществом дипломата по коридору, собирая половички на поворотах. Моментально садилась

к ногам того, кто неосторожно сказал «мясо», и издавала очень понятное «мяу», которое можно было трактовать только одним образом: Ксюша хочет мяса. Поэтому животные способны усваивать знаки, обладают способностью понимать знаки, хранить их.

Следом за знаком Аристотель ставил *символ* — это некоторая кодировка значения. На этапе символа животные и люди расходились в своей способности выражать потребности: поскольку люди могут специальным образом давать такую последовательность знаков, которая уточняет и раскрывает их желания — человеческая речь.

Позже святой Августин пришел к мысли, что всё в мире, что можно именовать, — это творение Божие, через которое Бог посылает спасение, т. е. можно спастись через Библию, а можно читать то, что заложено Богом в окружающем мире, и тоже спастись — это *сигнал*. Августин наделяет предметы активной функцией говорить о чем-то человеку. Сигнал активно проявляет себя.

Проанализируем, каким образом знак описывается онтологическими категориями.

Целое и часть. Знак не является ни целым, ни частью той вещи, которую он заменяет. Это всегда замена объекта, но не сам объект. Причем замена часто искаженная, неполная, утратившая полноценное представление об оригинале.

С точки зрения диалектики, знак представляет собой чистое *знание*, поскольку функция знака в первую очередь состоит в том, чтобы выделить из хаоса нечто, что требует наименования. При этом под хаосом подразумеваем потенцию бытия — материю. Сознание посредством знака маркирует, опредмечивает его. Здесь справедливо высказывание «в начале было Слово» [3, Ин. 1; 1], поскольку для субъекта, воспринимающего

мир, весь мир — это знаки, которые он воспринимает. Рассмотрим пример: в исследовании саамских языков Норвегии, Швеции и Финляндии зафиксировано порядка тысячи слов, определяющих оленей разных видов, функций, возрастов и назначений [4]. В то время как городской житель, если спросить его, каких оленей он может назвать, вряд ли назовет даже десять. Это говорит о том, что, во-первых, для горожанина не существует этих тысяч разнообразных оленей, есть денотат — олень, который обозначает всё разнообразие слов саамского языка и который становится пустым, лишенным значения, если попадает в условия перевода в саамский язык. К примеру, литературному герою подарили оленя. Саамский читатель останется недоволен, поскольку из денотата «олень» не следует ни цели такого подарка, ни функции этого оленя, это предложение звучит для него так же, как если бы мы прочитали: «Герою вручили подарок». Логична реакция читателя: «Какой? Что конкретно вручили?» В этих условиях наблюдается явная нехватка референта, того, что подразумевается под знаком. И вернемся к тому, с чего начали: отсутствие знака становится отсутствием знания. У нас есть «пустой» денотат, общее слово — вручили подарок, но самого подарка, выходит, нет, поскольку он не определен, не выделен из небытия.

Мыслящий субъект воспринимает знак как *объект*, однако чтобы знак стал объектом языковой семиотической системы субъекта, знак должен быть встроен в языковую систему, с одной стороны, и в ней он должен быть отделен от остальных ее компонентов, с другой. Здесь обнаруживается проблема генезиса знака: каким образом знак появляется в языке, привлекает ли предмет, обозначаемый знаком, к себе внимание и требует наименования, или ищущий интеллект находит

нечто в мире, не освоенное языком, или сама идея, допустим, оленя как нечто слишком отвлеченное требует конкретизации и мотивирует субъекта уточнять себя дополнительными знаками, расширять семиотическое пространство?

Знак сочетает в себе *материальное и идеальное начала*, поскольку обладает планом содержания (идеей, заключенной в нем) и планом выражения (материальной формой проявления). Это одна из наиболее широко распространенных точек зрения на знак. Однако, рассматривая знак в парадигме идеального и материального, можно погрузиться более глубоко в сущность знака и увидеть, что знак не имеет идеальной сущности. Знак — это всегда материя: выделение идеи из хаоса предполагает ее облачение в материальную форму и встраивание в семиотическую систему.

Знак всегда определяет *конечность*, поскольку теоретически исчислим, он фиксирует мир наименованиями, которые можно сосчитать. Другое дело, что сама семиотическая система как структура, пребывающая в вечной неполноте, имеет стремление к бесконечному наращиванию знаков.

Знак есть признак космоса, поскольку упорядочивает и каталогизирует сущее. Мир вокруг — не просто разнородный «бульон», состоящий из вещества разной плотности, но фиксируемый субъектом каталог: лавочка, дождевой червь, лужа, тепло. И если вообразить бесконечное пространство, то там, где мысль субъекта совсем ничего не сможет ухватить, — в той конечно-бесконечной точке, к которой неизменно приходит каждый последовательно-детскими вопросами: «А что за небом? А что за солнечной системой? А что за галактикой? А что за Вселенной?», — когда дальше и глубже совершенно нечего описать ни воображением, ни мифом, тогда наступает состояние

беспомощности. Это неосознанное выражение немоты и того пространства, которое покрывает бесконечность и которое невозможно помыслить.

Абсолютное и относительное. Знак самой своей структурой, выделяющей референт, денотат, сигнификат и коннотат, определен быть вечно относительным. Структура знака предполагает три уровня расхождения первоначального смысла знака. Стол А, который имел в виду автор, когда мимоходом упомянул его в тексте как стол, — это совсем не тот стол, который представил себе читатель. Читатель, опираясь на свой опыт и культурную традицию, представил стол Б. Идея «стола» будет прочитана относительно верно, поскольку очевидно совпадение денотата. Но абсолютного совпадения стола А и стола Б не случится. Даже если взять минимальный знак — звук, то и здесь возможны несовпадения. Мать говорит: «Ррррр». Ребенок старательно повторяет: «Ллллл». Но мать прекрасно поймет, что это «ллллл» — на самом деле «ррррр», искаженное несовершенным речевым аппаратом.

Только в одном случае знак и интерпретация знака идентичны: если кодификация и декодификация осуществляется машиной и в одной кодовой системе, т. е. в машинном программировании. Для машины знак «1» — это всегда наличие сигнала, а «0» — это его отсутствие. Только в этом случае имеет место абсолютное совпадение знака и его значения.

Таким образом, знак — это относительная единица, однако для некоторых семиотических систем знак может быть абсолютом, но только внутри собственной семиотической системы.

Знак — это временной и вневременной феномен. Представим, что наш мир взорвется и исчезнет. Всё, что составляло мир, канет в небытие. Перестанут ли

знаки быть знаками? И да, и нет. Если знак — это выделение предмета или признака предмета из хаоса, то уничтожение всей знаковой системы — это погружение в хаос, отсутствие знаков, а следовательно, знак возможно уничтожить, поскольку он и становится знаком только благодаря носителям. Однако если где-то еще в том месте, которое обитатели нашего мира зовут бесконечностью, есть мыслящий субъект, освоивший саму идею знака, это значит, что моментально появится и знак, и семиотическая система вокруг него.

В онтологической парадигме *одно / многое* знак выступает как универсалия. Знак одновременно указывает на что-то одно и при этом на множество вещей сразу: это и тот стол, который задумал автор, и тот стол, который вообразил себе читатель, и тот стол, который принят в культуре, на которую распространяется язык семиотической системы, и, наконец, стол вообще, стол как идея. Он может быть и вовсе пейоративом — газеткой, расстеленной на земле в лесу, — сохраняющим лишь ироническую идею стола. Таким образом, знак содержит в себе идею одного и многого одновременно.

Таким образом, нам удалось проследить, что непременным условием возникновения знака являются сознание, интеллект (который состоит из передачи информации, создания новой информации из той, что уже имеется, и хранения и архивации информации), память как неотъемлемая функция субъекта и «другой», ради которого знак должен быть выхвачен из хаоса и определен. Философская логика вычленяет в знаке референт, денотат, сигнификат, коннотат и пейоратив. Сам знак расположен вне времени и зависит только от способности кого-то, кто также существует вне времени или в определенный временной отрезок, ухватить нечто из ничто, выделить одно, отбросив другое. При

этом знак будет сочетать в себе все признаки одного и многого, целого и части. Он фиксирует конечность мира, является материальным. Идея, которую знак условно содержит в себе, — относительная, поскольку структура знака не позволяет ему соответствовать абсолюту.

Литература

1. **Выготский Л. С.** Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 351 с. (Философия риторики. Риторика философии).
2. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.
3. Евангелие. М.: МРО «Православное братотворительное братство во имя Всемилостивого Спаса» МеРПЦ, 2010. 547 с.
4. **Magga O. H.** Diversity in Saami terminology for reindeer, snow, and ice // *International Social Science Journal*. 2006. Vol. 58, № 187: March. P. 25—34. DOI: 10.1111/j.1468-2451.2006.00594.x.

Поступила 15.01.2018

Старикова Инна Владимировна — аспирант кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), vasilenko.miet@gmail.com

References

1. Vygotskii L. S. Myshlenie i rech' (Thinking and Speech), 5-e izd., ispr., M., Labirint, 1999, 351 p., *Filosofiya ritoriki. Ritorika filosofii*.
2. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov (Inside Thinking Worlds), SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014, 416 p.
3. Evangelie (Evangelium), M., MRO "Pravoslavnoe blagotvoritel'noe bratstvo vo imya Vsemilostivogo Spasa" MeRPTs, 2010, 547 p.
4. Magga O. H. "Diversity in Saami Terminology for Reindeer, Snow, and Ice". *International Social Science Journal*, 2006, vol. 58, no. 187, pp. 25—34. doi: 10.1111/j.1468-2451.2006.00594.x

Submitted 15.01.2018

Starikova Inna V., PhD Candidate, Philosophy, Sociology and Political Science Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), vasilenko.miet@gmail.com